

М.А. Васильева

О ВОЕННОЙ ПРОЗЕ ВЛАДИМИРА ВАРШАВСКОГО

Писатель Владимир Сергеевич Варшавский (1906–1978) вошел в историю русской литературы как автор книги «Незамеченное поколение» (1956) и одноименного термина, образно определившего детей русской эмиграции «первой волны». Между тем для многих своих современников Варшавский был прежде всего оригинальным автором военной прозы и автобиографического романа «Ожидание» (1972). «...Сколько бы ни были ценны, интересны и значительны его публицистические труды, — писал прот. Александр Шмеман, — <...> в живую ткань русской культуры он должен войти, в первую очередь, как автор “Ожидания”» [Шмеман 1978, с. 265]. «Ожидание» — в сущности, роман всей жизни Варшавского — вырос во многом из его военного опыта и военной прозы. В основу романа легла повесть «Семь лет» (1950), она же, в свою очередь, вобрала в себя цикл военных рассказов, которые стали появляться в эмигрантской периодике во второй половине 1940-х гг.¹

История Варшавского-воина, героя движения Сопротивления, уходит корнями в его новгородские воззрения, которые сам писатель, участник журнала «Новый град» (Париж, 1931–1939), определил как «утверждение абсолютной ценности личности, неприкосновенности ее свободы и прав, отказ прибавлять к своим лозунгам слова “или смерть”, отказ считать каких-то людей не людьми, отказ считать “двуногих тварей миллионы” только орудием для достижения своих целей» [Варшавский 1976, с. 212]. Большое влияние на решение писателя пойти в армию оказали собрания религиозно-философского объединения «Круг» (Париж, 1935–1939), основанного видным общественным деятелем, эсером, публицистом и одним из редакторов «Нового града» Ильей Исидоровичем Фондаминским (1880–1942). Дискуссии в объединении накануне Второй мировой войны, которые без преувеличения можно назвать судьбоносными, В.С. Варшавский опишет сначала в рассказе «Пролог», а потом в повести «Семь лет». Собрания посещали Г.П. Федо-

¹ Несколько рассказов, вошедших в роман «Ожидание», вышли еще до войны: Уединение и праздник // Числа. 1932. № 6. С. 51–56; Амстердам // Круг. Париж: Дом книги, 1938. Кн. 3. С. 43–74. После войны были опубликованы: Первый бой // Новый журнал. 1946. № 14. С. 114–119; Младший лейтенант Данилов // Новоселье. 1946. № 24/25. С. 23–35; Прогулка в город. (Рассказ военнопленного) // Там же. № 29/30. С. 11–32; Командо // Там же. 1947. № 35/36. С. 3–31; В крепости // Там же. 1949. № 39/41. С. 50–70; Пролог // Там же. 1950. № 42/44. С. 110–138. После издания повести в периодике появились еще несколько рассказов, также вошедших в роман «Ожидание»: Дневник художника // Новый журнал. 1952. № 31. С. 80–99; Отрывок // Опыты. 1954. № 3. С. 52–69; Рассеянность. (Из записок художника) // Там же. 1957. № 8. С. 26–35; Мечтание. (Отрывок из повести) // Новый журнал. 1961. № 65. С. 65–90.

тов, Г.В. Адамович, Н.А Бердяев, К.В. Мочульский, мать Мария, Ю.К. Терапиано, В.С. Яновский, Ю. Фельзен, Б.В. Вильде, А.П. Ладинский, С.И. Шаршун и др. «Круг» оказался местом встреч двух поколений, и влияние «старших» на «младших» было в иных случаях решающим. Фондаминский, принявший во время войны мученическую смерть в концентрационном лагере Освенцим, был выведен в рассказе, а затем повести и романе под именем Эммануила Осиповича Кладинского (Мануши)². Огромное значение в общем предвоенном настрое молодой эмиграции имела и позиция Георгия Адамовича, отчетливо прописанная в прозе Варшавского, и что еще более важно — решение Адамовича записаться добровольцем во Французскую армию осенью 1939 г.³

Однако было бы ошибкой считать, что участие Варшавского во Второй мировой войне против нацистской Германии было только плодом стороннего влияния. Желание стать резервистом Французской армии — следствие этико-онтологической установки самого писателя, своеобразный итог его понимания места эмигрантского молодого человека в мире. Опыт младших эмигрантов Варшавский четко отделял от опыта старших, замечая, что «конечно, и они были эмигранты, но только мне казалось, что их эмигрантство другого рода, менее полное, чем наше» [Варшавский 1950, с. 27]. В цикле статей, написанных в межвоенный период, он выведет архетип «эмигрантского молодого человека», в котором явственно виден прообраз «незамеченного поколения». Это «голый человек на голой земле» [Варшавский 1936, с. 410], или «это действительно как бы “голый” человек, и на нем нет “ни кожи от зверя, ни шерсти от овцы”» [Варшавский 1932, с. 164], или человек, который «оторван от тела своего народа и не находится ни в каком мире, ни в каком месте» [Варшавский 1930/31, с. 221]. В то же время именно из-за своей тотальной отверженности от внешнего мира эмигрантский молодой человек, в понимании писателя, был способен «искать вокруг себя и в себе истинную жизнь еще с большей силой» [Там же, с. 217], т. е. мог начать всё с чистого листа. Так сложилось, что становление писателя, как и его поколения в целом, пришлось на один из

Обложка книги Владимира Варшавского
«Семь лет» (Париж, 1950)

² Подробнее о псевдонимах в военной прозе В.С. Варшавского см.: [Хазан 2011, с. 179–206].

³ Об участии Г. Адамовича в качестве добровольца во Французской армии см.: [Коростелев 1997].

*Владимир Варшавский в форме
военнослужащего Французской армии.
Октябрь 1939 г.*

самых драматичных периодов в истории. Однако, с точки зрения Варшавского, это был уникальный шанс для молодых эмигрантов пересмотреть исторические парадигмы, предложить агрессивной истории и агрессивной конструирующей мысли XX в. иную иерархию ценностей, «так как именно сейчас, на пороге огромных ассирийских изменений, входящих в мир, происходит как бы последняя трагическая безвыходная борьба между уничтожаемой сущностью и торжествующей общественностью» [Варшавский 1932, с. 167]. Композиция книги «Незамеченное поколение» с ее завершающей главой «Погибшие за идею», посвященной новомученикам и героям Резистанса, не оставляет сомнений — как видел эту иерархию, или «лестницу восхождения», сам автор⁴, поставив в центр исторического делания борьбу за «уничтожаемую сущность». Участие В.С. Варшавского в военных действиях стало также своеобразным личным «восхождением» и одновременно попыткой вписаться во внешний мир, в «Ожидании» он пишет: «В первый раз в жизни я делал что-то, признаваемое всеми нужным и важным, в

первый раз у меня было место в человеческом обществе и я не испытывал моего всегдашнего страха, что я живу не так, как все. Наоборот, у меня было теперь спокойное чувство укрепленности моей жизни в чем-то достоверном и прочном» [Варшавский 1972, с. 113].

Осенью 1939 г. В.С. Варшавский записывается запасным Французской армии и принимает участие как солдат второго класса в боевых действиях на франко-бельгийской границе⁵. Бесславная «странная война» («drôle de guerre»), длившаяся с 3 сентября 1939 г. по 10 мая 1940 г., отличалась минимальным сопротивлением французских войск. Между тем Варшавский, оказавшийся в армии не по мобилизации, а по убеждениям, проявил беспримерное мужество: в одном из сражений он отстаивал Булонскую крепость, оставшись фактически один на линии огня. После

⁴ Об этом же он пишет в статье памяти друга Бориса Вильде: «...мы знаем это и не должны забывать, как в эти годы расставились на лестнице восхождения личности: одни в самом низу, другие на средних ступенях, третьи — на верхнем конце, уходящем в открытую вечность жизни. К этим третьим, чьи доблесть и пролитая праведная кровь спасли честь имени русского, принадлежал и Борис Вильде» [Варшавский 1947, с. 10].

⁵ Военный жетон В.С. Варшавского «1936 Vladimir Varsavsky» (Музейное собрание ДРЗ. Вх 1554/1-2).

поражения французских частей на франко-бельгийской границе писатель разделил со многими французами печальную участь плена, оказавшись в лагере Stalag II В в Гаммерштайне и был заключенным долгих пять лет под номером 16.600⁶. Судя по автобиографической военной прозе, в которой описанные события максимально приближены к реальности, В.С. Варшавский в первые месяцы плена был брошен на самую тяжелую работу, он рыл канал, узнал, что такое настоящий голод, стал свидетелем многочисленных смертей от истощения и болезней; затем его перевели на сельскохозяйственные работы в небольшую коммуны из пяти человек, где он пробыл четыре года, а последний год плена проработал в лазарете. Волей судьбы так сложилось, что освобождение Варшавскому принесли советские войска: «...в грохоте боя шла неизвестная грозная Россия, от берегов которой я отплывал более двадцати лет тому назад», — вспоминает он в «Ожидании» [Варшавский 1972, с. 181]. Эта символическая встреча описана в романе максимально непредвзято. Он видит метаморфозы, которые принесла советская власть России, изменив почти необратимо облик своего народа, и тем не менее «...это был всё тот же русский народ, о котором писал Толстой. Мне вспоминались невысокие, незаметные, похожие на капитана Тушина, офицеры и солдаты, с лицами, выражавшими почти уже галлийскую, добрую, смиренную простоту» [Там же, с. 236].

В архиве Дома русского зарубежья хранится любопытный документ, озаглавленный как «Препроводительная» за подписью старшего лейтенанта Ткаченко, командира военной части 21477 (21-я гвардейская механизированная бригада 1-го Белорусского фронта⁷; ДРЗ. Ф. 54). В повести Варшавский переименует Ткаченко в Сильченко, а документ воспроизведет с фотографической точностью (см.: [Там же, с. 217]). По этой препроводительной группа из 137 человек разных национальностей, большей частью бывших военнопленных, под началом переводчика Владимира Варшавского ушла по свободной дороге в деревню Лабец. Документ датирован 7 марта 1945 г., этой датой отмечено фактическое освобождение Варшавского, юридически оно было зафиксировано уже во Франции, в нескольких официальных документах, датированных 11 июня 1945 г.⁸

⁶ Номер выбит на концлагерном номерном знаке Варшавского (Там же. Вх 1553), тот же номер указан на обороте его фотокарточки периода плена, надпись на обороте: «Varsavsky Vladimir. Gefangenennummer 16600. Stalag II В. Poste Nr. 1202» (ДРЗ. Ф. 54), а также в документах, полученных Варшавским в 1945 г. во французском Министерстве по делам военнопленных, депортированных и беженцев (см. примеч. 8).

⁷ За уточнение выражаю признательность научному сотруднику Дома русского зарубежья К.К. Семенову.

⁸ В удостоверении, выданном Варшавскому Министерством по делам военнопленных, депортированных и беженцев (*Ministère des prisonniers, déportés et réfugiés*) записано: «Я, нижеподписавшийся Роже Элуар, директор Дома заключенного департамента Сены, 1, Пляс Клиши, Париж-IX, удостоверяю в соответствии с предоставленными документами, что господин Варшавский Владимир, д.р. 12/10/1906 в Москве (Россия) был заключенным лагеря Сталаг II В под номером 16.600 до 11 июня 1945 года, даты освобождения. Данное удостоверение выдано для подтверждения. Париж, 24 июля 1945 года». Тем же числом датирован документ Лагерного секретариата (*Secrétariats de Camps*) Товарищества заключенных лагеря Сталаг II В (*Amicale de Camp Stalag II В*) за подписью генерального секретаря Товарищества Мишеля Прово-Лемуана, подтверждающего, что «Владимир Варшавский был заключенным лагеря Сталаг II В, под номером 16.600, и был репатрирован 11 июня 1945 года» (ДРЗ. Ф. 54; пер. с фр. С.Н. Дубровиной).

*Владимир Варшавский в лагере военнопленных
Сталаг (Stalag II-B). Около 1943 г.*

После войны Владимир Варшавский распоряжением военного министра Франции Поля Косте-Флоре от 8 января 1947 г. был награжден известной французской военной наградой — Военным крестом с серебряной звездой (Croix de Guerre avec Etoile d'Argent). В приказе по дивизии указывалось, что «Варшавский Владимир, солдат 2-го класса, великодушный боец, выдержавший с храбростью и преданностью все испытания. 14 мая 1940 г. остался последним на линии огня, чтобы прикрыть отступление своей роты. Добровольно вызвался защищать Булонскую цитадель, вызвав в этом бою всеобщее восхищение своим презрением к опасности. Прекратил сопротивление лишь по приказу после истощения всех боеприпасов»⁹.

В 1946 г. в эмигрантской периодике начинают появляться военные рассказы: «Первый бой» в «Новом журнале», а в «Новоселье» — «Младший лейтенант Данилов» и «Прогулка в город.

(Рассказ военнопленного)». На выход в свет этих прозаических опытов мгновенно отреагировал Георгий Федотов: «...недавно я прочитал два Ваших рассказа, или очерка, в <“Новоселье”> и <“Новом журнале”> и захотелось написать Вам. Прежде всего, чтобы сказать Вам, что они мне очень понравились, особенно в <“Новом журнале”>. Большая правдивость и объективность, даже какая-то прозрачность. Я думаю, что это должно было бы понравиться Толстому за абсолютную честность»¹⁰. Близость к Толстому и «большая правдивость» («абсолютная честность») — два положения, которые в немалой степени задают вектор эмигрантской критики о творчестве Варшавского. Так, Георгий Адамович замечал: «Вл. Варшавский, писатель-тяжелодум, всегда искренний, всегда серьезный, с чисто толстовским влечением к “единому на потребу” и безошибочной пронизательностью упорного, пристального взгляда» [Адамович 1947, с 6]. Ему вторил Александр Бахрах: «Варшавский — писа-

⁹ Citation. Ordre № 1972/C. Le Ministre de la guerre, Paul Coste-Floret (ДРЗ. Ф. 54).

¹⁰ Г.П. Федотов — В.С. Варшавскому. 16 янв. 1947 (Там же).

тель медлительный, вдумчивый; вероятно, среди всего “молодого” поколения самый медлительный, наиболее взвешивающий слова и наименее способный фантазировать. Неприкрашенностью деталей его манера писать порой способна отталкивать, но читая его “Командо”, ощущаешь, почти с физической болью, что всё это так и было и <ни> на минуту не задумываешься над правдой его слов» [Бахрах 1947, с. 4].

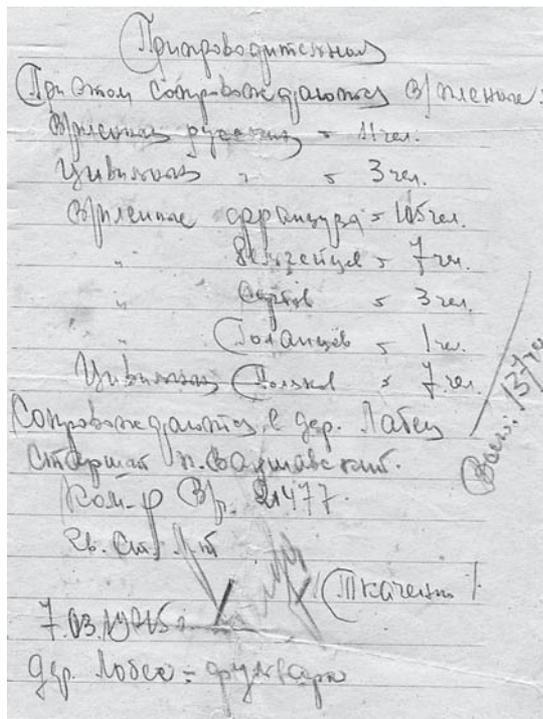
Военной прозой Варшавский окончательно вошел в русскую литературу как представитель художественного метода, призывавшего к сближению творчества и «человеческого документа». Однако и этот тезис, выдвинутый в русской эмиграции основателем «парижской ноты» Г.В. Адамовичем, для самого Варшавского имел исключительно личностное наполнение. Источник его литературных начинаний, как и феноменальной точности его прозы, — воспроизведение фундаментального опыта «эмигрантского молодого человека». Проза Варшавского в буквальном смысле слова — последовательная фиксация становления человека, отсюда органичное переплетение художественного слова и документа. Глубинное тождество между человеческим и писательским опытом В.С. Варшавского отметил Константин Мочульский. Приветствуя выход в свет его рассказы о войне, он заметил в одном из писем к их автору: «...война Вас разбудила — удар был настолько силен, что тюрьма Вашего “я” оказалась взорванной. Вдруг Вы увидели мир и людей — удивлению Вашему не было конца. Из этого удивления (совсем по Платону) родилось Ваше творчество. <...> Вы стали человеком и писателем. Какое великое событие и какое Божие чудо!»¹¹

В 1950 г. в Париже вышла повесть «Семь лет», вобравшая в себя опубликованные прежде военные отрывки. Судя по архивным документам, Варшавский приложил немало усилий по организации сбора средств на ее издание, а видные представители русской эмиграции охотно поддержали это начинание. «Имя В.С. Варшавского сравнительно мало известно русским читателям. Он сложился и вырос за рубежом и полностью испытал на себе тяжесть здешних условий: недостаток журналов, отсутствие издательств. То немногое, что Варшавскому удалось до сих пор обнародовать, побуждает отнестись к нему и его дарованию с доверием. Было бы обидно, если бы его роман, в котором отражены впечатления от войны и от плена в Германии, остался ненапечатанным», — сообщалось в одном из писем в поддержку издания за подписью Марка Алданова, Ивана Бунина и Василия Маклакова¹². И еще одна иллюстрация поддержки со стороны друзей по писательскому цеху: рукопись «Семи лет» для публикации «переписывал, вернее, перестукивал» Александр Бахрах¹³.

¹¹ К.В. Мочульский — В.С. Варшавскому. 1 февр. 1947 (ДРЗ. Ф. 54).

¹² Авторизованная машинопись, без даты (Там же). Письма с похожим содержанием от «группы друзей писателя» по организации предварительной подписки на издание были подписаны Г.В. Адамовичем, А.В. Бахрахом, В.Н. Буниной, В.В. Вейдле, М.Л. Кантором, Б.С. Нилус, Ю.К. Терапиано и Б.Ю. Физом. Подобную акцию «по сбору суммы, достаточной для издания книги» в Нью-Йорке поддержали М.Е. Вейнбаум, Р.Н. Гринберг, М.М. Карпович, Е.Ф. Рубисова, Андрей Седых (Я.М. Цвибак), Ирина Яссен (Р.С. Чеквер); деньги посылались на адрес газеты «Новое русское слово» (243 West 56 street, New York 19, N. Y.) главному редактору М.Е. Вейнбауму (Там же). После выхода «Семи лет» в свет «Новое русское слово» участвовало в распространении книги, регулярно ее рекламируя на своих страницах.

¹³ Об этом: А.В. Бахрах — Т.Г. Варшавской. 4 марта 1978 (Там же).

Препроводительная команда в.ч. 21477
старшего лейтенанта С. Каченко,
выданная «старшему переводчику»
Владимиру Варшавскому,
под предводительством которого группа
бывших военнопленных (всего 137 человек)
ушла в деревню Лабель, 7 марта 1945 г.

Невероятную активность, столь не свойственную «медлительному» и болезненно скромному Варшавскому, с которой он взялся за издание повести, можно было бы объяснить самолюбивыми писательскими амбициями, и хотя такое объяснение удобопонятно, оно не совсем вяжется с жизненными принципами писателя. Если же отбросить умозрительные догадки и обратиться только к документу, то лучшей иллюстрацией писательского кредо В.С. Варшавского мог бы послужить его дневник, который он вел на склоне лет. «...Ведь самое трудное начать: потом начнется радость усовершенствования, или, как у Толстого, “снятия покровов”, открытие, непосредственное видение и воссоздание реальности, воссоздание, которое не может погибнуть», — записано 19 мая 1973 г.¹⁴ Здесь — продолжение и логическое завершение цепи, начало которой — участие Варшавского в войне как «борьба за сущность». По В.С. Варшавскому, если пройденный опыт будет запечатлен в слове и станет литературным фак-

том, значит — реальность не погибнет, стремление «почувствовать очевидность» [Варшавский 1972, с. 242] достигнет цели. «Но я надеялся, усилие сосредоточиться поможет мне увернуться от небытия. Нужно только писать точно, что видишь, ничего не выдумывая. <...> Непосредственные впечатления не могут быть пошлыми или глупыми. Я для того и пишу, чтобы их проявить...» — заметит он в «Ожидании» [Там же, с. 243, 246]. Литература — и есть окончательное преодоление небытия. Таким образом, становление писателя совершает своеобразный круг: искомая им реальность постигается в личном опыте; опыт, в свою очередь, воплощается в слове, а слово — снова в реальность. Об этой глубоко философской составляющей художественного метода Варшавского писал его друг прот. Александр Шмеман: «...если в этой автобиографической книге, с одной стороны, действительно ничего “не выдуманно”, то всё в ней, с другой стороны, полностью подчинено тому вымыслу, который в своем “Умирании искусства” В.В. Вейдле определил как источник искус-

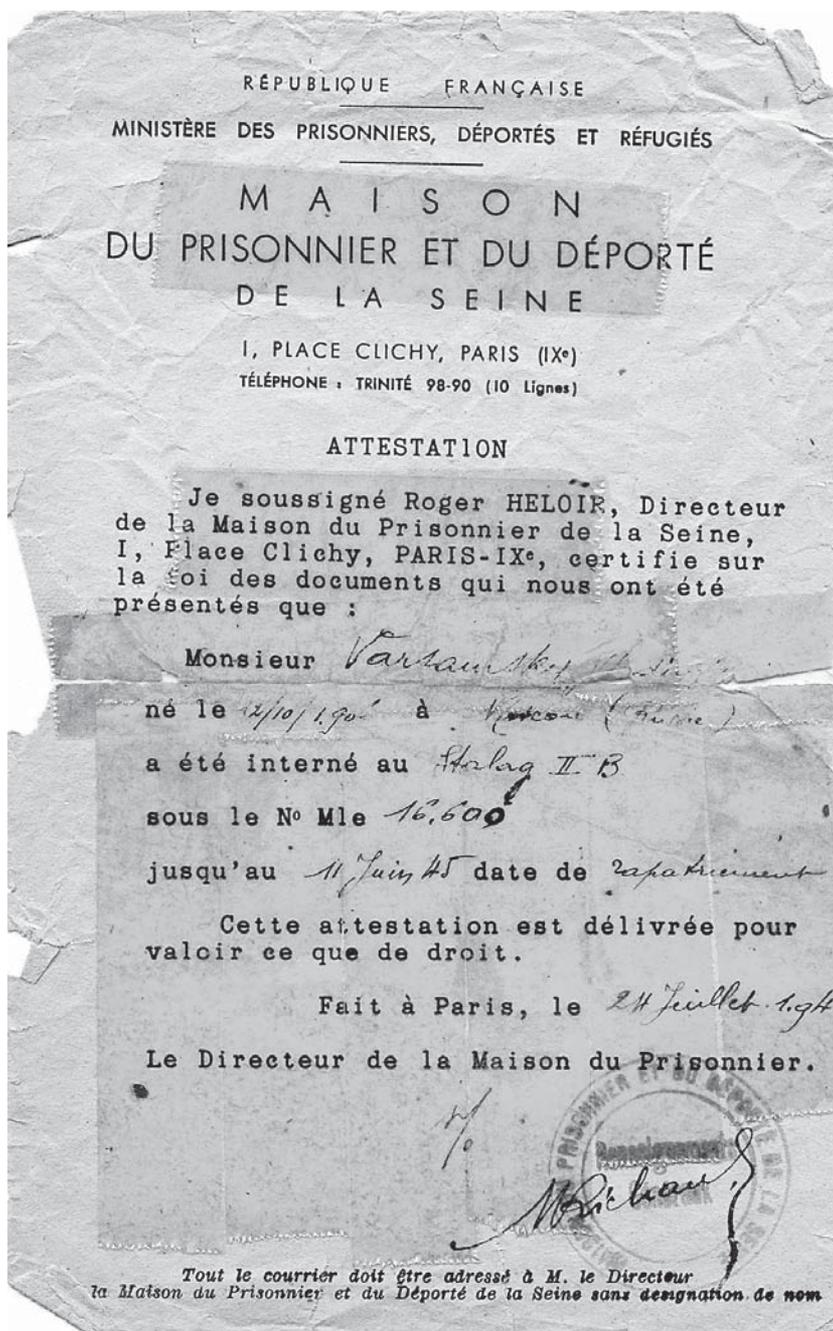
¹⁴ Варшавский В.С. Ионафан. <Дневник (1972–1976)> (ДРЗ. Ф. 54).

ства и суть которого не в “выдумке”, а в только художнику, только творцу присущем даре — любой “материал” претворять в жизнь и делать ее нашей жизнью, нашим общением со всем тем, чему всякое подлинное искусство в претворении этом нас приобщает» [Шмеман 1978, с. 266].

Повесть «Семь лет» в оценке современников — отдельный и весьма содержательный сюжет, вобравший в себя не только рецепцию творчества Варшавского, но и умонастроения русской эмиграции начала 1950-х гг. — зыбкого промежутка между завершением Второй мировой войны и быстро пришедшей ей на смену эпохой холодной войны. В эмигрантской периодической печати появилось немало доброжелательных откликов (Георгия Адамовича, Юрия Иваска, Михаила Корякова, Веры Александровой, Перикла Ставрова, Николая Нарокова, Вячеслава Завалишина)¹⁵. Даже краткие упоминания в этом сюжете играют важную роль. Чего стоит, например, лапидарное определение Михаила Корякова: «...книга Владимира Варшавского “Семь лет” — одна из самых замечательных книг в русской эмигрантской литературе» [Коряков 1950, с. 3]. Прохладно отреагировал на повесть Леонид Ржевский, напечатавший в «Гранях» кислый и местами ироничный отзыв с оговоркой, что у Варшавского «неудачи и шероховатости искупаются искренностью» [Ржевский 1951, с. 178], а также анонимный автор малотиражного нью-йоркского издания «Тропа», назвавший «Семь лет» «повестью “лишнего человека” в эмиграции» [Б.п. 1951, с. 80]. Откровенно враждебными были рецензии за подписью Л.Р. в монархическом нью-йоркском журнале «Знамя России» и Нины Берберовой в «Русской мысли». Первый поставил автору на вид «замалчивание преступных сторон советского режима» [Л.Р. 1951, с. 10], а Нина Берберова, пойдя против логики, обвинила героя французского Сопrotивления Варшавского в «полу-насмешке и полу-враждебности по отношению к Франции» [Берберова 1950, с. 5]. Реакция эмигрантской общественности на рецензию Берберовой была крайне негативной. В письме к Варшавскому от 8 ноября 1950 г. Роман Гуль резюмировал: «Ее статья возмутительна, глупа, очень мимо цели, не о книге, а о Вас. Написана она жалко и подло, той особой (русско-эмигрантской) подлостью доноса, от которого стыдно. Молчала бы она лучше. Не она ли была сама недавно жертвой травли и доносов? Я ей всё это и выскажу на будущей неделе, когда она пожалует сама сюда» (ДРЗ. Ф. 54). Так же охарактеризовала рецензию Елена Николаевна Федотова (супруга философа Г.П. Федотова), разослав многим эмигрантам, в том числе и Берберовой, открытое письмо с символическим заголовком «Рецензия или донос?» (Там же)¹⁶.

¹⁵ Адамович Г. «Семь лет» // Новое русское слово. 1950. 1 окт. № 14037. С. 8; Иваск Ю. Д. Кленовский. След жизни. 1950; Владимир Варшавский. Семь лет. Париж. 1950 // Новый журнал. 1950. № 24. С. 297–299; Коряков М. Дом русской культуры // Новое русское слово. 1950. 4 дек. № 14101. С. 3; Александрова В. Загадка советского человека // Социалистический вестник. 1950. № 10 (637). С. 189–190, 200. Несколькоими годами позже выйдут статьи Ю. Иваска «Письма о литературе» (Новое русское слово. 1954. 21 марта. № 15303. С. 8), П. Ставрова «После Бунина» (Там же. 20 июня. № 15394. С. 8) и В. Завалишина «Где же выход безнадежности» (Там же. 1959. 18 янв. № 16740. С. 2) с упоминаниями повести «Семь лет», а также обстоятельная аналитическая статья Н. Нарокова «Злая сила» (Там же. 1957. 29 мая. № 16041. С. 8).

¹⁶ См. об этом: [Васильева 2010, с. 415–416].

Удостоверение Дома заключенного департамента Сены, подтверждающее, что В. Варшавский «был заключенным лагеря Сталэг II-B под номером 16.600 до 11 июня 1945 года, даты освобождения». Париж. 24 июля 1945 г.

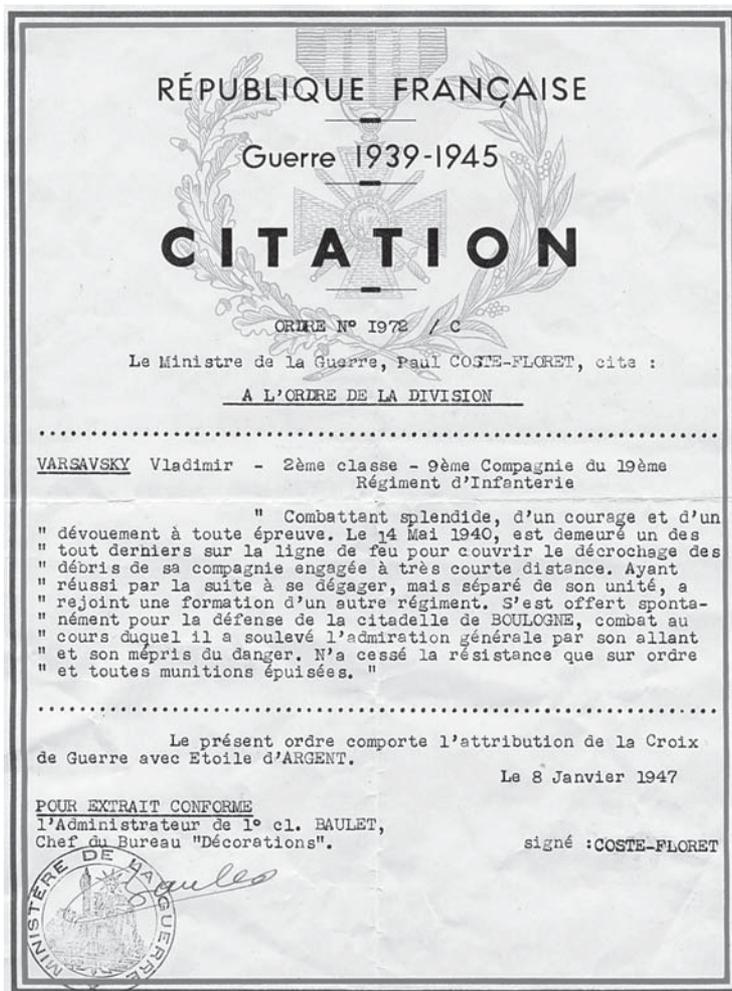
И все же при всей полемичности оценок повести «Семь лет» камертоном ее восприятия современниками могла бы послужить рецензия Адамовича, одного из наиболее влиятельных и прозорливых литературных критиков русского зарубежья. «Интерес, ценность и значение повести Варшавского, — замечал он, — в ее исключительной правдивости, притом правдивости прежде всего психологической. При сколько-нибудь развитом чутье к слогу и стилю у читателя не может с первых же страниц не возникнуть уверенности, что автор ни в чем не лжет, ни к какой рисовке не склонен и ничего не хочет скрыть. Его можно было бы назвать маниаком правдивости. Грозные события, свидетелем которых довелось ему стать, запечатлены в его книге без малейшей предвзятости, без всякого заранее придуманного “подхода”» [Адамович 1950, с. 8].

В марте 1951 г. Владимир Варшавский перебрался из Парижа в Нью-Йорк. 25 мая того же года при содействии газеты «Новое русское слово» в Нью-Йорке в Риверсайд-Плаза состоялось обсуждение повести «Семь лет», на котором выступили Вера Александрова, Сергей Максимов, Михаил Коряков, Илья Тартак, Александр Биск, Илья Троцкий, Иван Елагин и сам Варшавский. Судя по отчету об этом вечере, дискуссия была оживленной и беспристрастной, сам же отчет, появившийся на страницах «Нового русского слова», стал ценным дополнением к дискуссии вокруг первой повести писателя¹⁷.

Однако еще один пласт рецепции военной прозы Варшавского до последнего времени был нам неизвестен. Недавно переданная в Дом русского зарубежья часть архива В.С. Варшавского¹⁸ содержит любопытный эпистолярный современников. Обсуждение повести «Семь лет» в форме писем к автору стало прямым следствием рассылки экземпляров, которую организовал сам писатель. Эта корреспонденция содержательно не только не уступает дискуссии в эмигрантской прессе, но местами представляет шире и полнее восприятие творчества Варшавского современниками, а также послевоенную атмосферу, полемику мировоззрений, видение Второй мировой войны в русском зарубежье. Авторы писем — выдающиеся представители русской эмиграции: А.М. Ремизов, В.А. Маклаков, М.А. Алданов, Е.Д. Кускова, М.Л. Слоним, Р.Б. Гуль, Н.А. Оцуп, Н.Н. Оболенский, М.С. Цетлина, Е.Ф. Рубисова, В.С. Яновский, Р.Н. Гринберг, Г.Я. Аронсон, Л.Д. Червинская, Ю.П. Одарченко, Б.Ю. Физ, А.Е. Величковский, Н.Д. Татищев и др. Среди корреспондентов Варшавского значится и выдающийся французский славист Андре Мазон. Темы писем крайне разнообразны: от попытки прояснить судьбу Сергея Ивановича Варшавского (1879–1945?), отца писателя, видного юриста и общественного деятеля, арестованного советскими органами в Праге в мае 1945 г. (письмо Е.Д. Кусковой), до полемики вокруг художественного метода Варшавского (письма Л.Д. Червинской, В.С. Яновского, М.А. Алданова и др.). Эпистолярный писатель собирал в отдельный конверт, при этом, как правило, ставил астериск зеленым

¹⁷ См.: Беседа и споры о книге В. Варшавского // Новое русское слово. 1951. 26 мая. № 14275. С. 4.

¹⁸ Даритель архива — Татьяна Георгиевна Варшавская, вдова писателя. В декабре 2014 г. в Дом русского зарубежья поступила очередная и довольно внушительная часть архива В.С. Варшавского.

Постановление военного министра Франции Поля Косте-Флоре о награждении В. Варшавского французской военной наградой Круа де Герр. 8 января 1947 г.

карандашом в верхнем левом углу письма, помечая так, скорее всего, наиболее важные для него ответы.

Предлагаемая ниже подборка писем из этой корреспонденции публикуется впервые по оригиналам, хранящимся в фонде В.С. Варшавского (ДРЗ. Ф. 54). Тексты писем печатаются в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации и с сохранением индивидуальных особенностей написания, в частности, неточностей и отклонений от принятой сегодня формы написания иноязычных имен и собственных названий. Опiski и иные погрешности текста исправлены без оговорок. Конъектуры помещены в угловые скобки. Публикация

писем сопровождается рецензией Г.В. Адамовича на «Семь лет» — наиболее часто упоминаемой в письмах литературно-критической оценки военной повести Варшавского.

Глубокую признательность за помощь, оказанную на разных этапах в подготовке данной публикации, хотелось бы выразить Т.Г. Варшавской, А.М. Грачевой, С.Н. Дубровиной, К.К. Семенову и В. Хазану.

Литература

- Адамович 1947 — *Адамович Г.В.* Привет «Новоселью» // Русские новости. 1947. 18 июля. № 111. С. 6.
- Адамович 1950 — *Адамович Г.* «Семь лет» // Новое русское слово. 1950. 1 окт. № 14037. С. 8.
- Бахрах 1947 — *А. Бахрах*. Новоселье № 35–36 // Русские новости. 1947. 1 авг. № 113. С. 4.
- Берберова 1950 — *Берберова Н.* «Семь лет» В. Варшавского // Русская мысль. 1950. 11 окт. № 283. С. 5.
- Б.п. 1951 — *Б.п.* <Рец. на кн.: Варшавский В. Семь лет. Париж, 1950> // Тропа. 1951. № 1. С. 80.
- Варшавский 1930/31 — *Варшавский В.* Несколько рассуждений об Андрэ Жиде и эмигрантском молодом человеке // Числа. 1930/31. № 4. С. 216–222.
- Варшавский 1932 — *Варшавский В.* О «герое» эмигрантской молодой литературы // Числа. 1932. № 6. С. 164–172.
- Варшавский 1936 — *Варшавский В.* О прозе «младших» эмигрантских писателей // Современные записки. 1936. № 61. С. 409–414.
- Варшавский 1947 — *Варшавский В.* Борис Вильде // Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. 1947. № 2. С. 9–15.
- Варшавский 1950 — *Варшавский В.* Семь лет. Париж: Imprimerie Abécé, 1950. 302 с.
- Варшавский 1972 — *Варшавский В.* Ожидание. Paris: YMCA-Press, 1972. 304 с.
- Варшавский 1976 — *Варшавский В.* «Чевенгур» и «Новый град» // Новый журнал. 1976. № 122. С. 193–213.
- Васильева 2010 — *Васильева М.А.* О Владимире Сергеевиче Варшавском: Биографический очерк // Варшавский В.С. Незамеченное поколение / под ред. О.А. Коростелева и М.А. Васильевой. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына: Русский путь, 2010. С. 405–424.
- Коростелев 1997 — *Коростелев О.А.* Георгий Адамович, русская эмиграция в Париже и Вторая мировая война <Републикация статьи Г. Адамовича «Смерть и время» / предисл. и примеч. О.А. Коростелева> // Литература. Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». 1997 (май). № 18. С. 6–7, 13.
- Коряков 1950 — *Коряков М.* Дом русской культуры // Новое русское слово. 1950. 4 дек. № 14101. С. 3.
- Л.п. 1951 — *Л.п.* О книге Варшавского «7 лет» // Знамя России. 1951. 1 дек. № 52. С. 9–10.
- Ржевский 1951 — *Л. Ржевский*. Повесть о пережитом // Грани. 1951. № 11. С. 178.
- Хазан 2011 — *Хазан В.* Без своего места в мире. («Отцы» и «дети» в прозе В. Варшавского) // Мир детства в русском зарубежье: III Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 25–27 марта 2009): Сб. докладов / сост. И.Ю. Белякова. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2011. С. 179–206.
- Шмеман 1978 — *Шмеман А., прот.* Ожидание. Памяти Владимира Сергеевича Варшавского // Континент. 1978. № 18. С. 261–277.